

DOI: 10.31857/S0130386424010193

© 2024 г. М.А. Фельдман

УНИКАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ СССР В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Рец. на книгу: R.W. Davies. INDUSTRIALIZATION OF SOVIET RUSSIA. Vol. 6. YEARS OF PROGRESS: SOVIET ECONOMY, 1934–1936. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 496 s.

Фельдман Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Author ID: 36349821300; Researcher ID: AAE-3287-2020

M.A. Feldman

UNIQUE STUDY OF THE USSR ECONOMY IN THE YEARS THE SECOND FIVE-YEAR PLAN

Rec. ad op.: R.W. Davies. INDUSTRIALIZATION OF SOVIET RUSSIA. Vol. 6. YEARS OF PROGRESS: SOVIET ECONOMY, 1934–1936. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 496 s.

Mikhail Feldman, Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Author ID: 36349821300; Researcher ID: AAE-3287-2020

Британский исследователь Р. Дэвис изучал пути экономического развития СССР в годы первых пятилеток. Этой проблеме были посвящены семь томов цикла «Индустриализация в Советской России». По оценке германского историка Ш. Мерля, Р. Дэвис, «без сомнения, лучший знаток советской экономической истории, которой он занимается почти полвека, а его труды отличает тщательный и добросовестный анализ источников»¹. Среди многих научных открытий, британский историк отметил факт рождения и длительного существования двух параллельных миров советской экономической жизни: легальной и нелегальной.

Сердцевиной цикла стал четвертый том «Кризис и прогресс в советской экономике, 1931–1933 гг.»², чьи материалы использовались рядом отечественных специалистов по экономической истории³.

Шестой том «Годы прогресса: советская экономика в 1934–1936»⁴, спустя девять лет после издания, остается непревзойденным исследованием экономики СССР в годы второй пятилетки. Остается только сожалеть, что этот труд, впрочем, как и все тома цикла, не переведен на русский язык. Как следствие – это нередкий случай – книга, вышедшая в 2014 г., крайне редко используется российскими историками. Монография представляет особую ценность, поскольку исследования по экономической истории времен второй пятилетки носят фрагментарный характер.

В предисловии Р. Дэвис выразил благодарность российскому ученому О.В. Хлевнюку, «который предоставил материалы и анализ по ГУЛАГу и связанным с ним вопросам», а также австралийскому советологу С. Уиткрофту, «который выполнял ту же роль в отношении сельского хозяйства; и им обоим за предоставление информации и комментариев по многим аспектам советского развития» (с. XVI).

¹ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 307.

² Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.

³ Рецензию на книгу см.: Фельдман М.А. Симпатия к России как способ опередить время // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 19–27. DOI: 10.31857/S013038640014265-9

⁴ Davies R.W. Industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014.

В данном случае – это еще и указание на длительный и плодотворный характер научного сотрудничества британского историка и российских ученых.

Характеризуя важный этап советской истории – 1934–1936 гг. – Дэвис называет его временем «относительной умеренности»: «политический режим был сравнительно мягким, оставляющим место для экспериментов в экономике» (с. XV). Однако историк отмечает признаки назревания «большого террора». Вектор развития событий в монографии Дэвиса указывает на сближение позиций руководства Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП) и представителей директорского корпуса, при этом констатирует резкий поворот во внутренней политике: усиление репрессий (процесс по делу Каменева – Зиновьева). Драматическое столкновение двух противоречивых тенденций в исследовании Дэвиса не случайно: автор прослеживает развитие рациональной и волюнтаристской тенденций на протяжении всего изучаемого периода.

Осмыслив итоги первой пятилетки, отмечает автор, советское руководство осознало невыполнимость высоких плановых показателей 1930–1931 гг. По решению Пленума ЦК ВКП(б), январь 1933 г., рост промышленного производства в 1933–1937 гг. планировался на уровне 13–14% (для сравнения: 21–22% в первой пятилетке). Инвестиции в промышленность в 1933–1937 гг. не должны были превышать 97 млрд руб., а не 135 млрд, запрошенных наркоматами (с. 2, 12). Такое решение пленум принял на основании нескольких вариантов второго пятилетнего плана, разработанных Госпланом в 1933 г.; эти варианты анализировались на заседаниях Политбюро ЦК (с. 3).

Ситуация осложнялась целым рядом факторов. Вопреки заявлениям о победах социалистической индустриализации, в СССР функционировала, по обоснованному определению автора, «не полностью индустриализованная экономика». Даже накануне Второй мировой войны советская экономика в значительной степени зависела от импорта цветных металлов и сложных станков (с. XIV)⁵. Незавершенность индустриальной модернизации промышленности и сельского хозяйства порождала массу проблем. Необходимость одновременного перевооружения Красной армии, широкого круга отраслей народного хозяйства и вывода из состояния нищеты значительной части населения требовали согласованных действий политической и хозяйственной элит. Прежде всего нужно было выработать оптимальные, научно обоснованные пропорции финансового, технического и кадрового развития экономики. При этом попытки отдельных наркоматов зафиксировать объем капиталъ-

ных вложений на более высоком уровне, чем это было предусмотрено вариантами второго пятилетнего плана, грозили разбалансированием финансовой системы страны. На протяжении почти всего 1933 г. Политбюро и Госплан действовали единым фронтом, не допуская превышения лимитов капиталовложений (с. 2–3, 14).

20 декабря 1933 г. состоялось обсуждение в Политбюро докладов В.М. Молотова и В.В. Куйбышева предстоящему съезду, в ходе которого, как подчеркивает Дэвис, по инициативе И.В. Сталина, был рассмотрен вариант второго пятилетнего плана со значительно увеличенными индикаторами роста. Он включал ежегодный рост промышленного производства более чем на 18% по сравнению с предыдущим годом, а объем капитальных вложений в 1933–1937 гг. в 133 млрд руб. Это решение, пишет Дэвис, «очевидно, было принято высшими политическими руководителями без консультаций с ключевыми ведомствами Госплана» (с. 3–4).

В феврале 1934 г. еще более амбициозный вариант плана, был представлен XVII съезду ВКП(б), предполагавший увеличение промышленного производства на 19% в год и вложение инвестиций – 133,4 млрд руб. (с. 4–5).

В монографии нет объяснений, почему уже принятое в январе 1933 г. решение затем кардинально пересматривалось дважды: в декабре 1933 г. и в феврале 1934 г. Однако автор, указав на особенности принятия высшим советским руководством решений в январе 1933 г. – феврале 1934 г., – зачатую спонтанных, хаотичных, противоположных – отметил нарастание гласуемых споров о темпах роста экономики. Из чего можно сделать вывод: глубина экономического кризиса в советской экономике в начале 1930-х годов не пошатнула лидерство Сталина в руководстве партии, но сделала возможным обсуждение вариантов экономического развития в Политбюро ЦК ВКП(б).

Дискуссия продолжилась и на самом съезде. Так, 4 февраля 1934 г. нарком тяжелой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе, выступив против предложений ряда делегатов увеличить плановые показатели, настоятельно призвал ориентироваться на реальные возможности. Британский историк отмечает, что «архивы не раскрывают, как было принято окончательное решение». Но предварительная сенограмма XVII съезда показывает, что решение было согласовано в последний момент, что свидетельствует об остроте дискуссии: «Поскольку в начале февраля в кабинете Сталина не было ни заседаний Политбюро, ни иных заседаний, вполне вероятно, что окончательное решение было принято неофициально между завершением выступления Куйбышева вечером 3 февраля и окончанием заседания» (с. 12).

Итогом «неофициального обсуждения» стало создание по предложению И.В. Сталина комиссии в составе Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышева, К.Е. Ворошилова, ряда руководителей ведомств «и

⁵ Например, потребности в сложных станках для промышленности СССР в годы второй пятилетки удовлетворялись отечественными производителями на 55%. См.: Касьяненко В.И. Завоевание экономической независимости СССР. (1917–1940). М., 1972. С. 196.

других 60 представителей корпораций, пересмотревших и сокративших все индикаторы промышленного роста второй пятилетки» (с. 13). Выскажу мнение, что необычно многочисленный состав комиссии указывает на серьезные противоречия в позициях политической и хозяйственной элит; на затруднительность для Сталина «продать» свое мнение непосредственно на съезде.

В окончательной редакции документов XVII съезда промышленное производство в годы второй пятилетки должно было расти ежегодно не на 19%, а на 16,5%, но по настоятельной просьбе промышленных наркоматов без сокращения объемов инвестиций (с. 13–14). Казалось, компромиссный вариант между предложением Госплана (13–14%) и сталинской директивой (19%) был найден и утвержден съездом.

Но чем можно объяснить решение Политбюро и Совнаркома спустя всего месяц, 8 марта 1934 г., об увеличении инвестиционного плана на апрель–июнь 1934 г., которое 25 марта 1934 г. они же, по выражению Дэвиса, «резко» отменили (с. 47)? Официальная версия, изложенная в монографии, – «совершенно неудовлетворительная подготовка строительных организаций» (с. 46) – может быть верна лишь отчасти: руководство никогда не останавливало, что «многие капитальные проекты не имели технических планов и смет и были недостаточно обеспечены строительными материалами» (с. 45).

Тем не менее не до конца выясненным представляется значимый вопрос: что же заставило членов Политбюро неоднократно в период января 1933 – марта 1934 г. менять свои решения? Ведомственные интересы? Осознание возможности повторения коллапса в экономике 1930–1931 г.? Но за 13 месяцев высшее руководство СССР пять раз (!) меняло принятые решения о темпах промышленного роста.

Ответ, на мой взгляд, скрывается за фразой Дэвиса, что «советскому правительству, скорее всего, придется проводить план “войны” параллельно с планом “мира”» (с. 13). Решающим обстоятельством следует признать сложность определения размеров расходов на содержание армии и флота и на оборонную промышленность. Постоянные требования Наркомата обороны (НКО) увеличить финансирование производства отдельных видов вооружений, как отмечает Дэвис, встречали сопротивление Наркомата финансов, но Сталин постоянно шел на уступки военным (с. 48).

Так, представленная НКО в начале 1933 г. заявка на 1934–1938 гг. носила, по определению российского историка О.Н. Кена, «чисто фантастический характер»: предполагалось в 1938 г. иметь в строю 85 тыс. танков, 74 тыс. самолетов, 86 тыс. орудий. Численность армии должна была достичь в 1938 г. 4,7 млн человек. Расчеты НКО строились, исходя из доктрины, что СССР — это окруженная врагами крепость, а война с коалицией зарубежных государств

неизбежна⁶. Между тем непосредственная угроза агрессии в этот период исходила только от Польши, а советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи 1935 г. предполагали в перспективе создание системы коллективной безопасности в Европе. Необоснованность заявки НКО подтверждает и та легкость, с которой в декабре 1933 г. предложения по мобилизационному развертыванию были сокращены в пять–восемь раз (с. 260–261).

Еще одной причиной постоянного изменения плановых показателей второй пятилетки Дэвис называет давление (и победу в конечном счете) промышленных комиссариатов, которым были спущены пониженные производственные показатели без сокращения инвестиций (с. 14). Однако и в этом случае возможности плановой экономики оказывались ограниченными: во-первых, многие капитальные проекты не имели технических планов и смет и были недостаточно обеспечены строительными материалами (с. 46). Нехватку квалифицированных технических кадров и отставание промышленности стройматериалов невозможно было преодолеть в короткий срок. Во-вторых, нерентабельность работы многих предприятий промышленности и транспорта приводила к постоянному срыву финансовых планов: только в первом квартале 1934 г. бюджет недополучил доходов в 1,5 млрд руб. (с. 14).

Анализ событий 1933–1934 гг. позволяет автору говорить, что генеральная линия партии на самом деле представляла собой сложное сочетание различных векторов, нередко противоположного направления, внутри социалистического строительства: курс «мини-реформ», направленный на применение экономических законов, включая использование качественных показателей и некоторое улучшение уровня жизни населения; на количественные показатели и доминирование административных методов; на милитаризацию экономики и нарастание идеологизации всех форм жизни общества. Корректировка же генеральной линии происходила в результате взаимного учета интересов и позиций различных государственных инстанций: хозяйственных наркоматов, Госплана, правительства.

Выступая в роли арбитра, Сталин исходил из собственных представлений о сочетании внешнеполитических и внутренних задач. Несовпадение указанных векторов порождало частые перемены в позиции высшего руководства СССР, вызванные различием интересов советских лидеров и стоявших за ними ведомственных группировок. Столкновение курсов угрожало абсолютной власти Сталина и в условиях тоталитарного государства могло завершиться массовыми репрессиями. Совокупность противоположных векторов умеренного курса формировала поле такого столкновения. Тем не менее, подчеркивает Дэвис,

⁶ Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х годов). СПб., 2002. С. 239–240.

даже непоследовательные «мини-реформы» и сдерживание леворадикальных экспериментов позволили промышленности успешно развиваться высокими темпами в 1934 г. (с. 45–46, 48, 59, 73).

Отмечая оптимистические настроения, царящие в Госплане, автор обращает внимание на их недостаточную обоснованность (с. 45). Не следует забывать, что высокие темпы роста во многом объяснялись ходом пусковых работ на замороженных в 1930–1931 гг. индустриальных объектах. Но нарастающие финансовые трудности дестабилизировали экономику советской страны (с. 58). Тем удивительнее был царящий весной и летом 1935 г. у Сталина и советского руководства необоснованный «энтузиазм по поводу прогресса экономики, который граничил с эйфорией» (с. 156).

Правительство СССР искало универсальный инструмент регулирования народного хозяйства, например расширение масштабов коммерческой торговли. Однако «наличие товаров в коммерческой продаже с самого начала существования системы создавало соблазны и возможности для торговых организаций, предприятий и отдельных должностных лиц: переводить товары из закрытой сети (по карточкам), где цены были низкими, в коммерческую, продавая их по более высоким ценам». Значительное расширение коммерческой торговли в 1934 г. (до 6 млрд руб.) привело к расцвету спекулятивной торговли, принося только частичный успех и новые проблемы (с. 61). На это руководство страны закрывало глаза: доходы от коммерческой торговли должны были составить 20% общесоюзного бюджета (с. 58).

Более классово выдержанным регулятором для советских лидеров представлялась эмиссия денег, к которой неоднократно обращались в годы первых пятилеток (с. 62–63). Однако представители Наркомата финансов много раз предупреждали об опасности такого финансового допинга (с. 313–316). Тем не менее практика ежеквартальной эмиссии валюты стала постоянной. Например, при принятом советским руководством решении не проводить эмиссию валюты в 1935 г. чистая эмиссия валюты в течение 1935 г. составила 1496 млн руб. (с. 276). Таким образом, заключает Дэвис, успешное в целом экономическое развитие во многом достигалось благодаря постоянному финансовому допингу.

Показательно, что в инвестиционный план 1936 г. были внесены дополнительные изменения, главным образом связанные с оборонной тематикой. В результате уже к концу мая 1936 г. инвестиции в экономику превысили плановые на 46%. Опубликованный вариант подготовленного Госпланом плана 1936 г. стал, по оценке Дэвиса, примером инвестиционной экспансии, навязанной Госплану сверху (с. 276).

Традиционное для первой половины 1930-х годов обращение Сталина и его окружения к коллективному разуму управленцев – конференции руководителей и инженерно-технических работников тяжелой промышленности – в сентябре 1934 г. показало достаточно негативную картину состояния

промышленности⁷.

Автор отметил еще одну особенность этой конференции: директора промышленных предприятий упрекали представителей профсоюзов в том, что «они требовали больше денег на жилье и другие аспекты социального обеспечения вместо того, чтобы работать над улучшением использования имеющихся ресурсов» (с. 71). Многие западные исследователи не без злорадства указали бы на эту парадоксальную черту реальной жизни в «рабочем» государстве. Но злорадство чуждо работам Дэвиса.

Принципиально новым моментом советской экономической жизни стало заявление Орджоникидзе о возможности отказаться от приоритета количественных показателей, пусть даже на ограниченный период – четвертый квартал 1934 г. (с. 69). Диалог и обмен мнениями работников НКТП и хозяйственников привел, указывает Дэвис, к неожиданному для тоталитарного государства результату: впервые с 1931 г. были опубликованы целевые показатели лимитов народно-хозяйственного плана, принятые за пять месяцев до начала года, как постановление Совнаркома. Это было сделано раньше, чем в случае с предыдущими годовыми планами, к тому же цели народно-хозяйственного плана 1935 г. были изложены весьма подробно (с. 74).

Оценка Дэвиса – «эта небольшая революция в процедурах планирования», призванная «дать возможность правительственным ведомствам, республикам, регионам и предприятиям подготовить свои собственные годовые планы и подать свои заявки на материалы и оборудование до начала нового года» (с. 112), – становится понятной, если учесть, что в 1930-е годы проект плана на следующий год обсуждался в Госплане и между ключевыми комиссариатами в закрытом режиме. «Небольшая революция в процедурах планирования» стала возможна в результате осмысления экономического курса 1933–1934 гг. работниками НКТП – штаба советской индустриализации, Госплана, научных коллективов, делегатов конференции в сентябре 1934 г.

Однако предварительная публикация плановых индикаторов фактически стала вызовом существующей системе, поскольку секретность распределения капиталовложений прочно вошла в практику управления в СССР как составная часть общей закрытости данных о подлинной финансовой политике Советского государства. Например, в 1933 г. объявленные расходы на оборону в 1450 млн руб. составили только 34% от реальных (4178 млн руб.), в 1934 г. – 1655 млн руб., или 33% от реальных (5000 млн руб.)⁸. Открытое обсуждение планирования распределения финансов прямо угрожало всемогущим верхов в рамках командно-ад-

⁷ Фельдман М.А. К вопросу о степени влияния хозяйственной элиты на экономический курс Советского государства в годы второй пятилетки // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29. № 3. С. 85–91.

⁸ Кен О.Н. Указ. соч. С. 271.

министративной системы.

Раскрывать практику принятия ключевых решений Сталин и его окружение не собирались. В конце 1934 г. без обсуждения и вопреки мнению отраслевых управленцев было принято решение о резком сокращении инвестиций в легкую промышленность с 2600 до 1600 млн руб. (с. 120), при том что второй пятилетний план предполагал значительное расширение производства как в легкой, так и в пищевой промышленности. Социальная политика вновь оказывалась делом второстепенного характера. Несбалансированность развития отраслей экономики грозила острым дефицитом товаров и продуктов.

Руководство СССР понимало рискованность такого движения экономики. Уже весной 1935 г. для советских лидеров было очевидно, замечает историк, что «амбициозные многочисленные политические цели пятилетнего плана будет очень трудно достичь» (с. 160). Выход из сложившейся ситуации был найден в увеличении норм выработки на каждого работника. Стремление к увеличению производства в значительной степени зависело от производительности труда каждого работника, которая, как планировалось, должна была обеспечить более 40% прироста промышленного производства как во втором пятилетнем плане в целом, так и в плане 1935 г. 10 марта 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР издали постановление, пересматривающее нормы выработки в 1935 г. Постановление увязывало пересмотр норм с эффективным использованием нового капитального оборудования. Уже 13 марта 1935 г. об этом же был опубликован приказ НКТП. Существующие прежде технически обоснованные нормы были признаны устаревшими и не отвечающими возможностям современных предприятий. По всей стране наркоматы и ведомства начали кампанию за обязательное и повсеместное увеличение норм выработки (с. 163).

Объективность процесса совершенствования системы организации труда не вызывала у Дэвиса сомнения. Но историка интересовала его обоснованность: адекватность материального вознаграждения за усиление интенсивности труда; степень механизации основных производственных процессов. Для исследователя очевидны искусственный характер организации «сверху» рекордных достижений А. Стаханова; ограниченность примеров щедрого вознаграждения за трудовые рекорды; подлинная ценность тотальной пропаганды подвигов стахановцев через всю информационную сеть в СССР (с. 166).

Выводы Р. Дэвиса и О.В. Хлевнюка, сделанные еще в 1994 г., что первые и достаточно противоречивые успехи в реализации индустриального проекта в 1933–1934 гг. убедили Сталина в возможности нового увеличения темпов роста и повышения плановых показателей, очередного поворота

генеральной линии⁹, получили новое развитие в монографии. Сталин рассматривал стахановское движение с чисто утилитарных позиций: как возможность без существенных капиталовложений резко повысить производительность труда рабочих, главным образом за счет интенсификации их труда. Он считал, что освоение новых технологий само по себе может творить чудеса в области производительности труда.

В условиях ограниченности фондов заработной платы, достойная оплата труда предназначалась только для узкого круга рабочих, предварительно отобранных партийными комитетами (с. 166). Это означало, что для большинства промышленных рабочих новые нормы выработки могли принести только символическое увеличение оплаты труда.

Первая Всесоюзная конференция стахановцев, состоявшаяся 14–17 ноября 1935 г., продемонстрировала, как замечает не без иронии Дэвис, не только «пыл публичности», на ней присутствовали все члены Политбюро и 3 тыс. руководителей экономики и рядовых стахановцев, но и возврат советских лидеров к «сверхамбициозным экономическим ожиданиям начала 1930-х годов». Призывы членов Политбюро к выполнению второй пятилетки в четыре года не имели под собой никакого обоснования (с. 168). Фраза Дэвиса, что стахановское движение должно было укрепить единство советского общества (с. 167), отвечала, скорее, декларируемой пропагандистской задаче, чем реальным тенденциям социально-экономической жизни.

Высказывание Молотова на конференции, поддержанное Сталиным, – «каждый рабочий может стать стахановцем» (с. 168) – не оставляло сомнений, что стахановские рекордные нормы должны стать обязательными. Если для руководства НКТП стахановское движение начиналось с модернизации рабочих мест для всех рабочих, то для Сталина – с «освобождения части квалифицированных рабочих от второстепенной подготовительной работы»¹⁰.

Руководство НКТП видело в стахановском движении начало поэтапной подготовки и переподготовки квалифицированных и высококвалифицированных рабочих индустриальной эпохи. А руководство страны считало, что стахановское движение было уже итоговым результатом предшествующего «роста культурно-технического уровня рабочих», а вся масса промышленных рабочих была готова работать на уровне стахановских рекордов.

В монографии нет слов о «великом переломе», но приведенная сталинская оценка стахановского движения как «фундаментально глубоко революционного» (с. 167) подводит к этому. Историк лишь

⁹ Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизмы смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.

¹⁰ Резолюция Декабрьского (1935 г.) пленума ЦК ВКП(б) // Правда. 26.XII.1935.

упоминает о «сильной официальной поддержке сверху» стахановского движения и оставляет без комментариев далекое от реальности утверждение Сталина: «стахановское движение “началось само собой, снизу” и “распространилось по всему Советскому Союзу не постепенно, а с небывалой скоростью, подобно урагану”» (с. 167).

Сдержанно, без обобщения Дэвис указывает на примеры недовольства рабочих произвольным повышением норм выработки; на случаи осуждения техническими специалистами рекордов, ограничившись констатацией: степень сопротивления еще предстоит установить» (с. 169).

17 ноября 1935 г. Сталин в речи на конференции стахановцев, хотя и не упомянул конкретно о саботаже, но призвал «обуздать упрямых консерваторов среди руководящего инженерно-технического персонала», сначала терпеливо убеждая их, а затем, «если убеждение не сработает, придется принять более решительные меры» (с. 169). Призыв вождя был услышан. 26 ноября 1935 г. прокурор СССР А.Я. Вышинский заявил, что на железной дороге было совершено нападение на стахановца и приняты попытки организовать «вредительство», чтобы дискредитировать движение. Он предложил рассмотреть дело в открытом судебном заседании, а двух основных обвиняемых приговорить к смертной казни через расстрел. 29 ноября вопрос был рассмотрен Политбюро: Сталин «гуманно» лично заменил предложение о смертной казни на 10 лет тюремного заключения (с. 170). Сигнал партийным комитетам был дан.

Стахановское движение стало главным пунктом повестки дня Пленума ЦК ВКП(б) 21–25 декабря 1935 г. Дэвис фокусирует внимание на двух основных докладах, определивших работу пленуму и получивших широкую огласку.

А.А. Андреев, секретарь ЦК и член Политбюро, выступил с программной речью, основанной на материалах НКВД о сопротивлении «консервативных и контрреволюционных элементов» стахановскому движению. Отмечалось, что к декабрю 1935 г. уже были обнаружены или сфабрикованы сотни случаев саботажа, а также террора против стахановцев.

Г.К. Орджоникидзе критиковал консерватизм многих и очень многих инженеров и техников, но при этом не ссылаясь на саботаж хозяйственников. По его мнению, пересмотр норм должен быть связан с технической модернизацией рабочих мест и учетом мнения самих рабочих (с. 171). Тем не менее, подводя итоги пленума, Сталин заявил об увеличении норм выработки для всех рабочих по стахановским меркам, как уже о решенном деле (с. 182).

Дэвис обращает внимание на то, что на конференции НКТП, состоявшейся 26 декабря 1935 г., на следующий день после пленума, вообще не упоминалось о саботаже (с. 172). Как видно, автор четко обозначил два подхода к системе организации труда, две тенденции во внутренней политике Советского государства.

По мнению автора, пониманию сущности стахановского движения мешала шумная пропагандистская кампания, восхвалявшая первые успехи, которые должны были обеспечить быстрый рост производства в ряде ключевых отраслей промышленности (с. 178). Высокие доходы небольшой группы известных стахановцев выдавались за рост благополучия всех участников движения. Но это было далеко не так, даже при том, что многим рабочим платили по прогрессивной сдельной ставке (с. 180). В монографии отмечен принципиальный момент социально-экономической истории последних месяцев 1935 г.: как только стахановское движение увеличило разрыв между заработной платой и производительностью труда, предприятиям в обязательном порядке было предписано ориентироваться на новые увеличенные нормы выработки (с. 181, 184).

Последствия не заставили себя ждать: уже в первом квартале 1936 г. резко возросло число несчастных случаев на производстве и масштабы выпуска бракованной продукции (с. 298). Кризисные явления более всего поразили угольную промышленность, где соблюдение основ техники безопасности являлось первоочередным. Производство угля сократилось с 359 тыс. т в день в декабре 1935 г. до 320 тыс. т в июне 1936 г. И хотя производство угля выросло во второй половине 1936 г., но даже в декабре 1936 г. оно было на 5 тыс. т в день меньше, чем в декабре 1935 г. (с. 321, 324).

Последний раздел монографии «Успешный исход 1936 г.» (с. 321–359) насыщен бравурной статистикой отраслевых наркоматов о высоких темпах роста в «стахановский» 1936 г. Но два замечания автора – о высоком уровне бракованной продукции и рисках учета выпуска продукции в денежном эквиваленте – предостерегают читателей от восторженных оценок.

Сдержанный тон монографии сменяется категоричностью вывода по разделу «Стахановский год»: «Утопические надежды Сталина, Молотова и Орджоникидзе на то, что производство удвоится в течение пары лет (!), были опровергнуты опытом еще до того, как чистки разрушили индустриальную экономику» (с. 298).

Подлинным заключением исследования стал анализ событий на Совете при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР в Москве 25–29 июня 1936 г., собравшего хозяйственную элиту советской промышленности (с. 305–310). Современные исследователи отмечают, что в течение 1936 г. Орджоникидзе не покидало ощущение приближения трагедии¹¹. Проведение совета могло стать последним сражением за рациональный курс социалистической индустриализации. Участники совета привели конкретные факты, убеждающие, что условия труда для специалистов в «стахановские месяцы» стали трудно выносимыми. Обращалось внимание,

¹¹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30–е гг. М., 1996. С. 176–178.

что инженерно-технических работников не обучают методике передовых форм организации труда, нацеленной не на отдельные рекорды, а на «стахановскую работу целых участков, смен и всей шахты». «В погоне за стахановскими рекордами были грубо нарушены правила ухода за мартеновскими печами, что привело к целому ряду безобразных аварий», а «стахановские дни» скорее сродни «штурмовщине».

Выступая на совете, Орджоникидзе назвал обвинения в саботировании стахановского движения инженерно-техническим персоналом чепухой. «Какие там саботажники! Не саботажники, а хорошие люди – наши сыновья, наши братья, наши товарищи, которые целиком и полностью за советскую власть». Как видно, вечером 29 июня 1936 г. осуждение гонений на специалистов получило полную поддержку представителей советской хозяйственной элиты. Нарком на примере цветной металлургии высмеял утверждения отдельных директоров о близости производительности труда советских и американских рабочих. На одном и том же оборудовании, по их словам, американский рабочий выпускал продукции в разы больше, чем наш. Аналогичное положение было и на предприятиях в других отраслях советской промышленности.

За пределами монографии остались два важных сюжета. Во-первых, участники совета пришли к осознанию вершущего характера стахановского движения; к пониманию обязательного технического образования для промышленных рабочих; к осуждению необоснованных обвинений специалистов в саботаже стахановского движения¹². Во-вторых, участники мероприятия договорились, что недопустим выпуск качественной продукции и возможно сокращение объемов производства ради выхода на установленные стандарты качества¹³.

Главный посыл совета озвучил Орджоникидзе, поддержав предложения о недопустимости выпуска некачественной продукции: предприятие должно считаться не выполнившим государственный заказ при выполнении плана по количественным показателям, но срыве плана по ассортименту продукции и не достижении положенных стандартов. «Надо планировать выполнение программы не по валовой продукции, а по товарной – сколько готовой продукции мы выпустили для нашего населения, для нашего народного хозяйства»¹⁴. Подобный тезис будет содержать экономическая реформа 1965 г. На сколько лет раньше была бы реализована «косыгинская» реформа, если бы предложение Орджоникидзе было поддержано в июне 1936 г.

В дни работы совета его участники раскрыли те черты стахановского движения, которые продолжа-

ли худшие традиции «штурмовщины» начала 1930-х годов. Спускаемые сверху оценки стахановского движения как «высшей формы социалистического соревнования» не выдерживали критики отраслевых управленцев. Совет стал и апогеем развития рациональной тенденции в советской экономике, и моментом столкновения с волюнтаристской тенденцией в управлении.

Аресты участников совета в первые месяцы 1937 г. открыли новую страницу советской истории – массового террора 1937–1938 гг. В этой связи логична и обоснована позиция автора, выделившего события 1937 г. в особый раздел отдельной монографии¹⁵.

Книга Дэвиса подчеркивает, что различные подходы к пониманию целей и сущности стахановского движения, к методам его развития были только верхушкой айсберга – частным проявлением длительного расхождения двух тенденций экономической политики в СССР первой половины 1930-х годов: курса «мини-реформ» и ставки на принудительные методы воздействия.

Совет при наркоме тяжелой промышленности СССР отчетливо показал прозрение той группы управленцев, которую смело можно отнести к творцам советской индустриализации. Поиск, труд строителей советской индустрии не пропали бесследно с трагическим концом жизни большинства из них в 1937 г. Заводы и фабрики, заложенные в годы первой пятилетки, были достроены, производственные мощности освоены. Проблема качества выпускаемой продукции оставалась острой, но ее решение было под силу директорскому корпусу, прошедшему «сито» первых пятилеток. Если фундаментальность и системность многолетних архивных изысканий Дэвиса являются образцом для исследователей советской экономики, то симпатия и уважение к СССР, пронизывающие книгу британского историка, вселяют надежду на улучшение российско-британских отношений в будущем.

Библиография

Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 303–349.

Касьяненко В.И. Завоевание экономической независимости СССР. (1917–1940). М., 1972.

Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х годов). СПб., 2002.

Фельдман М.А. Симпатия к России как способ опередить время // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 19–27. DOI: 10.31857/S013038640014265-9

Фельдман М.А. К вопросу о степени влияния хозяй-

¹² Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. 25–29 июня 1936 г. М., 1936. С. 39, 71, 82, 94, 347–348.

¹³ Там же. С. 118, 140–142, 177–178, 187, 307–308, 320.

¹⁴ Там же. С. 410.

¹⁵ Davies R., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S.G. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. New York; Basingstoke, 2018. P. 1–156.

ственной элиты на экономический курс Советского государства в годы второй пятилетки // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29. № 3. С. 85–91.

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М., 1996.

Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.

Davies R.W. Industrialization of Soviet Russia, Vol. 6. Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014.

Davies R., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S.G. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. New York; Basingstoke, 2018.

References

Davis R., Khlevnyuk O.V. Vtoraya pyatiletka: mekhanizm smeny ekonomicheskogo kursa [The second five-year plan: the mechanism of changing the economic course] // Otechestvenny istoriya [Domestic History]. 1994. № 3. S. 92–108. (In Russ.)

Feldman M.A. K voprosu o stepeni vliyaniya hozyajstvennoj elity na ekonomicheskij kurs Sovetskogo gosudarstva v gody Vtoroj pyatiletki [On the question of the degree of influence of the economic elite on the economic course of the Soviet state during the Second Five-year plan] // Gumanitarnyenuki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 2022. Vol. 29. № 3. S. 85–91. (In Russ.)

Feldman M.A. Simpatiya k Rossii kak sposob operedit' vremya [Sympathy for Russia as a Way to Get Ahead of Time] // Novaya i Novejshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 2. S. 19–27. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013038640014265-9

Kasyanenko V.I. Zavoevanie ekonomicheskoy nezavisimosti SSSR [The conquest of the economic independence of the USSR]. (1917–1940). Moskva, 1972. (In Russ.)

Ken O.N. Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konec 1920-h – sredina 1930-h godov) [Mobilization planning and political decisions (late 1920s – mid 1930s)]. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 30-e gg. [Politburo. Mechanisms of political power in the 30s]. Moskva, 1996. (In Russ.)

Merle Sh. Sovetskaya ekonomika: sovremennye ocenki [The Soviet economy: modern assessments] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik [Economic history. Annual]. 2016–2017. Moskva, 2017. S. 303–349. (In Russ.)

Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.

Davies R.W. Industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014.

Davies R., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S.G. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. New York; Basingstoke, 2018.